

Линь сам имел право на бесплатное жильё — социальные льготы для инквизиторов всегда были неплохими.

Но общежитие, которое ему полагалось, являлось общежитием именно для одиноких молодых сотрудников.

Планировки «гостиная + спальня» для большинства одиноких инквизиторов действительно хватало, но семья Линя состояла из шести человек. Даже если один считался почти съехавшим, а другой числился пропавшим, общежитие для одиноких всё равно оставалось крайне неудобным для их семьи.

К тому же изначально Линь работал в отделении на восьмом уровне. Соответственно, и общежитие выделялось бы там же. А для семьи Линя это было слишком далеко.

«Да, слишком далеко... Когда Снежноцапка вернётся, как она тогда сможет найти нас? Но если это отделение третьего уровня... вроде бы совсем неплохо?»

Совсем близко — можно в любой момент прийти и проверить.

И потом, верховный инквизитор явно говорил не об общежитии для одиноких. Выделить Линю такую комнату на этом уровне не считалось бы «особым разрешением» — Линь и сам мог подать заявку, и её бы одобрили. Раз уж речь идёт о спецразрешении, значит, это точно семейное жильё.

Глаза Линя уже загорелись — хотя из-за бинтов Фельдграу Дуофюр этого не видел.

— Правда, верховный инквизитор?! — радостно спросил он, не скрывая счастья.

Ведь общежитие для инквизиторов являлось бесплатным!

Аренда в «Мятном масле» и так стоило дёшево — иначе Парамба не смог бы поселиться там с Ректихом и Хвостик, а затем принять Пятнулю, Снежноцапку и самого Линя. Но какой бы дешёвой ни была аренда, она всё равно не могла сравниться с бесплатным жильём.

— Угу, — уголки губ Фельдграу приподнялись. — Из-за семейных обстоятельств твой счёт и финансовые операции находятся под довольно жёстким контролем. Это несправедливо, так что о тебе стоит позаботиться дополнительно.

— А, тот контроль? Да ничего страшного, — Линь махнул рукой. — Пусть хоть круглосуточно следят, на счёте у меня всё равно копейки. Каждую мелкую трату я помню лучше, чем служба внутреннего надзора. Откуда бы у меня взялись крупным суммам... Значит, спецразрешение точно будет? Мне нужно подавать заявку? И сколько ждать одобрения?

— Завтра на работе сначала напишешь заявление, — Фельдграу продолжил спускаться по лестнице, Линь шёл рядом. — Думаю, всё решится быстро.

Ритуалист знал: если верховный инквизитор говорит «быстро», значит, это действительно будет быстро. Он ведь не канцелярский служащий из муниципалитета, любящий перекладывать ответственность.

Если так подумать, он уже мог начинать прикидывать, что брать с собой при переезде, а что нет.

«Ах да — утром ещё нужно попросить Пятнулю передать весточку Ректиху, чтобы тот зашёл домой с работы».

Линь начал перечислять плюсы переезда.

«В отделениях круглосуточно дежурят медицинские группы. Если Параибе вдруг станет плохо, можно, используя личные связи, быстро вызвать медиков — очень удобно».

Что до Снежноцапки, Линь сейчас знал, где она находится — возле Пещеры Тёмного Моря. В-первых, у неё не имелось возможности быстро вернуться, а во-вторых, Линь не мог объяснить Ректиху и остальным источник информации. Оставалось лишь осторожно говорить что-то вроде «кто-то видел её у моря».

Так что поиски всё равно продолжались. А отделения Инквизиции — одни из самых информированных мест на каждом уровне: удобно и узнавать новости, и позволять Ректиху с Пятнулей время от времени заглядывать в «Мятное масло».

После обсуждения все, скорее всего, согласятся.

Линь всё тщательно обдумал и не нашёл ни одной причины не переезжать.

И к тому же в семейном жильё имелась отдельная ванная!

До девятого класса Линь никогда не жил в общежитии, а до переноса он вообще не представлял, как выглядят общие умывальни.

Перенос в иной мир действительно расширил его горизонты... Хотя горизонтов тут не было.

Мысль о том, что он снова сможет пользоваться семейной ванной, едва не довела его до слёз.

Он дошёл с верховным инквизитором до входа в «Мятное масло». Снаружи по-прежнему

шумела улица, круглосуточно полная торговцев из грибного леса. Верховный инквизитор в белом костюме, совершенно не вписывающемся в окружение, открыл старую дверь, обернулся и с улыбкой сказал:

— Ну что ж, на этом остановимся. Линь, отдыхай.

— А... — Линь открыл рот.

В этот момент у него было слишком много слов.

Не только про жильё, но и про куда более ранние вещи.

Хотя верховный инквизитор просто ненавидел одного тёмного бога и вовсе не собирался помогать Оку Зазеркалья, сегодня без него Линь, возможно, полностью скатился бы на сторону тёмных богов — и утащил бы за собой Кристабель.

Когда он узнал, что магия и тёмные боги несут скверну, он оказался к этому готов.

Он не был наивным цветочком и не был глупцом. Пусть в школе преподавали лишь историю нового календаря, а Моисей Гуппи лишь изредка упоминал древнюю войну богов, даже из приукрашенных текстов Линь видел: каждое столкновение богов стоило тысяч и тысяч жизней.

Грешных и праведных, добровольно принесённых и совершенно непричастных к войне.

Трон бога строился на этих жизнях.

А Линь, чтобы вернуться домой, уже решил стать одним из богов.

...Он неизбежно утонет в крови.

Несколько дней назад он думал: лучше стать Божественным Столпом без осквернения. А если контроль сорвётся и он превратится в тёмного бога, распространяющего скверну, Линь постарается держаться как можно дальше от человеческих земель.

Он был к этому готов.

И всё же он молился.

Не зная, кому именно, он мог лишь молиться, чтобы невинные жертвы, погибшие по его вине, появились как можно позже. Ещё позже.

Возможно, они уже были. Ради его поисков культ Искажения перебросил силы в Шпиневиля, вызвав множество столкновений вдоль реки Райи. За пределами того, что Линь мог видеть — вне Шпиневиля и Альманвиля, — возможно, уже погибли мирные жители или инквизиторы, останавливающие культистов...

Но хотя бы сейчас. Хотя бы в пределах его взгляда. Линь не хотел, чтобы кто-то так скоро упал в бездну вместе с ним.

«Спасибо верховному инквизитору. Верховный инквизитор спас меня».

Линь был переполнен благодарностью, но как бы он ни попытался выразить её сейчас, это выглядело бы странно.

Заметив, что верховный инквизитор остановился из-за его изданного им звука, Линь смущённо снова выдал «а...» и сжал кулаки.

Повисла тишина.

— Спасибо вам, — серьёзно произнёс Линь. — Верховный инквизитор.

Сказав это, он заметил, что тот тоже на мгновение замолчал.

— Линь, — спустя паузу сказал Фельдграу, — бинты промокли.

— Что? — Линь инстинктивно коснулся лица и правда почувствовал влагу.

— В таком случае мне придётся провести это спецразрешение не просто быстро, а очень быстро, — пошутил Фельдграу, глядя, как Линь неловко поправляет бинты. Потом он снова помолчал и продолжил: — Но, если ты так благодарен... как насчёт того, чтобы в неформальной обстановке обходиться без титулов? Я же говорил, мне нравится с тобой разговаривать. Пусть мы начальник и подчинённый, разница в возрасте невелика, и вне службы мы вполне можем быть друзьями. В следующий раз, если увидимся не в Инквизиции, можешь звать меня по имени.

— По имени... — Линю было неловко, но снежноволосый дуофюрский птицелюд улыбнулся ему, и отказаться он не смог.

Фельдграу, словно не заметив его колебаний, повернулся уходить:

— Тогда до завтра, Линь.

— А... до завтра, — после паузы сказал Линь, — вер... мистер Фельдграу.

Фельдграу, уже смотревший на улицу, обернулся. Освещение, исходящее от фонарей, окрасило его снежные короткие волосы и ушные перья золотой каймой.

В тот миг свет, преломившись в волосах и перьях, будто залил всё вокруг, и тёмный вестибюль дома стал ярким — вместе с его улыбкой.

Лишь когда верховный инквизитор действительно ушёл, это словно наложенное фильтром сияние медленно угасло.

Линь задумался.

«Это сияние было тем самым усиленным лучом, который только что исходил от взгляда верховного инквизитора, стабилизировал меня и вызвал некую синестетическую иллюзию?»

Он почти невесомо развернулся и начал подниматься по лестнице, когда вдруг с опозданием кое-что осознал.

Линь верил, что при таком семейном положении любой инквизитор получил бы особое внимание. Он даже слышал, как верховный инквизитор заботился о сиротах погибших коллег. Но по отношению к нему заботы, кажется, было чуть больше.

Совсем чуть-чуть.

«Ну... мы ведь уже друзья».

Лицо Линя без всякой причины слегка зарделось. Он глубоко вдохнул и продолжил подниматься.

— Хе-хе.

Из темноты вдруг раздался холодный смешок.

Линь замер и тут же стал оправдываться:

— Сегодня правда есть за что благодарить верховного инквизитора.

Появившийся словно призрак Моисей снова усмехнулся, но больше не стал говорить, что Линю не стоит сближаться с верховным инквизитором. Линь понял: в этом Моисей, на самом деле, был согласен с ним.

Но Фельдграу по-прежнему вызывал у русала раздражение, так что юный бог решил не продолжать эту тему.

— Учитель Моисей, ты говорил, что тебе нужно всё обдумать. Есть какие-то выводы?

— Никаких, — холодно ответил Моисей.

«Сказать или промолчать? Не навредит ли правда?»

В памяти своего оригинала Моисей видел бесчисленные юношеские влюблённости. Любовь вспыхивает мгновенно — и так же быстро гаснет. Яркие, сладкие моменты ничтожны по сравнению с жизнью бога.

И Линь, и Фельдграу Дуофюр в его глазах были ещё слишком незрелыми.

Сегодня Фельдграу удержал Линя своими чувствами. Но если Моисей раскроет правду, и Линь сблизится с Фельдграу, их чувства неизбежно изменятся.

Будь то предательство или расставание — Моисей считал, что цену этих перемен Линь может не вынести.

«А если они, наоборот, пойдут дальше? Тогда всплывёт истинная личность Линя — настоящая бомба! Состояние Линя нельзя целиком опирать на Фельдграу Дуофюра. Верующие. Нужно больше верующих. Сначала найти больше опоры — и лишь потом думать дальше».

Моисей нахмурился, принял решение и перешёл к делу:

— Кристабель Померан очнулась.

Кристабель Померан очнулась в комнате очищения.

Кроме сухости и жары она не чувствовала никакого дискомфорта.

Кто-то, вероятно, помог ей вытереть тело и смыть грязные зелёные водоросли. Раны на руках и

ногах оказались залечены, одежду сменили на чистое платье-рубашку.

Ткань выглядела совершенно новой — похоже, её просто подарят Кристабель. Ведь прежнее платье и куртка были слишком грязными и изодранными.

Рассудив, что в целом она ни в выигрыше, ни в убытке, Кристабель размеренно отпила воду. Она находилась здесь не впервые и знала, как выдержать дольше. А с учётом ранее данного обета она решила воспринимать пребывание в комнате очищения как своего рода практику.

Господь сказал, что очищение ей не навредит. Значит, сейчас главное — сохранять внутреннее спокойствие.

Эмоции — это сила. Нужно копить её и выпускать лишь при необходимости.

Новоиспечённый клинок разума осмысливал пережитое, когда в комнату вошла женщина-медведюд с лампочкой на голове.

— Здравствуйте, мисс Кристабель, — она поставила принесённый стул и села напротив. Её круглое лицо было серьёзным. — Могу я задать вам несколько вопросов?

<http://bllate.org/book/12612/1315506>